

Т. В. Авдеева
Участник Всероссийского конкурса
«Библиотекарь года»

«Я – БИБЛИОТЕКАРЬ!»
Эссе

Моя солнечная библиотека

...Дом наш, помнится с детства, наводнен книгами: и родители, и сестры были вдумчивыми читателями, к чему приучили и меня. Книги лежали повсюду: на столах, в шкафах и на диванах; с засушенными между страниц цветками, с закладками — конфетными фантиками; зачитанные до желтизны и совсем новенькие, чудно пахнущие, с нетронутыми еще страницами. И каждая гипнотизировала: возьми меня, открай, прочитай. В голове моей непрерывно совершались подвиги, рушились башни, намечались всяческие волшебства — в младших классах мне часто доставалось за то, что витаю в облаках.

И, наверное, в конце-концов я сорвалась бы и улетела куда-нибудь, но руки-то неизменно тянули меня к земле, потому что каждый раз тащила из библиотеки книг по двадцать. И тотчас кидалась их читать, прячась от своих многочисленных родственников в тайном уголке сада, чтобы не приставали с домашней работой. Я и мои ровесники помним детство абсолютно счастливым, отчасти потому, что были «приручены» книгами и наши реалии дополнялись фантазиями и благими устремлениями после прочитанного. Читать для нашего поколения было так же естественно, как дышать.

Уже в первом классе я читала бегло, и мои старшие сестры, решив, что пора взросльеть, подарили мне на седьмой день рождения томики Лермонтова и Пушкина. С появлением этих книг жизнь моя наполнилась удивительными образами, которыми я болела и которым присочиняла свои черты.

Мне так и мерещилась бледная и худенькая царица Тамара, мелькающая в светящемся окне старинной башни, и Демон — весьма привлекательный, но очень грустный молодой человек с картины-иллюстрации Врубеля. В старинной башне Тамара порхала, «как ангел небесный», но чего-то ей, видимо, не хватало, потому-то она иногда бывала «коварна и зла». Собственно, я ее понимала: сама иногда вела себя плоховато.

Помню, долгое время я была убеждена, что Лермонтов — настоящий детский писатель. «Печальный Демон, дух изгнанья, летал над греческою землей», — нараспев декламировала я своим друзьям-первоклассникам и удивлялась, что они не знают таких простых стихов.

Что касается Пушкина, то и его я прочувствовала по-своему, а поэму «Руслан и Людмила» выучила почти наизусть. Здесь я влюбилась не в главных героев, нет, — меня наповал сразила Голова. Она, несмотря на такую непростую судьбу, разговаривала и вообще жила почти полноценной жизнью. Я пробовала не шевелить руками, ногами, пытаясь представить, что у меня их нет, но получалось как-то не очень.

Сейчас мне думается, что Пушкин и Лермонтов, «явившись» на мой первый школьный день рождения, подтолкнули меня много лет спустя к выбору «книжной» профессии.

...Как ни силюсь, лица своего первого библиотекаря вспомнить не могу — ни имени, ни голоса. Но и по сей день отчетливо ощущение, которое испытала в маленькой, древней, как сказочная лубянная избушка, местной библиотеке: мне было хорошо.

Скорее всего, ее негромкая хозяйка была хорошим библиотекарем. Может, потому что не лезла с нравоучениями; и не навязывала, а так, потихонечку, подвигала хорошие книги поближе. А однажды даже подарила мне списанную книгу «Летящие сказки» Владислава Крапивина, чем несказанно меня осчастливила.

...А сегодня, склоняясь над библиотечной кафедрой, я сама наблюдаю за детьми. Думаю, кто-то из школьников, завсегдатаев библиотеки, не запомнит моего лица. Но разве это важно? Главное, чтобы им, как и мне когда-то, здесь было хорошо.

Процесс приобщения к чтению деликатный. Это процесс секретничания, «щека к щеке», возможный только на волне высокого доверия. Потому библиотекарь должен быть предельно искренним. Вчера я поддакивала старшекласснице, что читать «Войну и мир» и мне когда-то было неинтересно: поначалу приходилось пропускать войну и выискивать мир. Но это не совсем потому, что я не доросла. Романы-эпopeи – не посторонние вещи, от них важно общее ощущение, атмосферность, их надо читать сразу много, а не так рвано-фрагментарно, как обычно случается в школе.

Я призналась девочке, что перед поступлением в институт изрядно покорпела над страницами «Войны и мира» по ночам – был совсем другой результат. Вот тогда мне довелось ощутить почти физически, как горела Москва, даже сизый запах дыма стоял в комнате – до муршек. Я видела мокрые от слез глаза Пьера Безухова за толстыми линзами, и, словно в голограмическом изображении, – хвост огненной кометы 1812 года.

Школьница мне пообещала, что когда-нибудь найдет время на все четыре тома. Может, в каникулы, может, сразу по окончании школы. Я была честна с ней, надеюсь, и она сдержит свое слово.

С некоторых пор я заметила, что многие родители, приходя с детьми, берут книги для них и боятся спрашивать книги для себя, как будто стыдятся – просто забыли, как это делается. В этом случае деликатность библиотекаря и пристальная, почти врачебная наблюдательность способны вывести каждого «пользователя» на разговор и обратить в «читателя».

...В моей библиотеке работают хорошие люди. Они умеют вести диалог. Чтобы человек расслабился, стал самим собой. Захотел дружить. Спорить. И даже вместе – плакать (мы предлагаем и такие книги, мы уверяем: они не вредные, хотя современные люди склоняются на эмоции). Иногда я прошу читателя что-то посоветовать мне. Сообщаю по секрету, что библиотекари не все прочитывают «от корки до корки», а мне было бы интересно вот так, наоборот, узнать, что затронуло вас.

Уникальны в нашей стране не только библиотекари, но и читатели. Несмотря на то, что бешено меняется мир, большинству их них, как и в былые времена, недостаточно взять книгу, они хотят сердечных бесед о своих детях и проблемах на работе. Отработать во вторую смену в библиотеке – значит, провести вечер со своей большой библиотечной семьей.

...Признаюсь, мне одинаково дороги все, кто приходит за книгами: и старики, с их капризами и придирчивостью, и дети, которые смешат нас, библиотекарей, спрашивая то книги поэта «Чучева», то «Песнь о вещем олене», и студенты, тем, что нагружают нас неслыханными запросами. Все они не дают нам очерстветь, механически выполняя свою работу.

...В моей библиотечной круговерти мне помогают любимые литературные герои. Некоторые из них со времен моего детства состарились, одряхлели. Страна отправила их на пенсию еще в постсоветский период, а некоторые, напротив – живее всех живых.

Частенько я вспоминаю своего старого друга Тома Сойера, и вот по какому поводу. Этот обаятельный мальчуган – не только большой оптимист, но и блестящий пиарщик собственного дела. Помните, как он красил забор?

Вот и один из моих принципов – несмотря на все «библиокатализмы», говорить о своей профессии только хорошо, только в превосходной степени. И у меня это, кажется, получается. Но, в отличие от Тома, я не лукавлю.

Или еще один мой старый приятель – Дон Кихот Ламанчский, наивный романтик, который когда-то принял ветряные мельницы за великанов и вступил с ними в бой.

Я, наученная его горьким опытом, не борюсь с мнимыми врагами, не доказываю, что библиотека круче заваленного сомнительным мусором Интернета, просто стараюсь хорошо делать свою работу, и пусть человек сам решает, где ему восполнить дефицит человеческого общения, кому довериться. Библиотека, в моих глазах, – не панацея, а лишь альтернатива «одиночеству в сети». Но если читатель в качестве своей «вселенной» все же выберет Интернет, я покажу ему свои «созвездья» – электронные журналы и литературные порталы, на которые частенько заглядываю.

...Своих друзей, разлетевшихся по всему миру, я расспрашиваю, как у них там живут знакомые библиотекари. И не чувствую в ответ никаких особых эмоций: обычные служащие со средней зарплатой, добросовестно выполняют свою работу...

У нас в России библиотекарь – больше, чем библиотекарь. И чем дольше работаешь, тем больше ощущаешь себя «песчаной учительницей», героиней Андрея Платонова.

Бывает, вкалываешь сутками, не в силах объяснить близким, почему тебе больше всех надо, а твои «замки из песка» будто и не видны. Один проект сменяется другим, спонсорские деньги заканчиваются, книжки ветшают, культовые герои выходят из моды, классика залеживается, а наводнившее фонды «мыло» достойно огромного костра инквизиции. Вырастают читатели-дети, и вот уж некому играть главные роли в твоем библиотечном театре. Но ты свято веришь, что их души тобой «приручены» и когда-нибудь обязательно вернутся в библиотеку на свое «насажденное» место. И тогда твоя жизнь обретает смысл.

...Порой, поглядывая на неутомимых коллег, убеждаешься: если бы не «песчаные учительницы», которые могли бы «заведовать целым народом», вся наша многострадальная культура давно бы развалилась.

Чтение всегда занимало важное место в моей жизни, но я не предполагала, что стану библиотекарем. Работала в редакции, в гимназии, но только когда устроилась в библиотеку, поняла: я дома. И оба моих образования — литературное и педагогическое — здесь при деле.

За время моей библиотечной работы в общественной жизни страны многое изменилось. Шкаф с книгами перестал быть для семьи культовым предметом, богатством, о котором заботятся, которое преумножают и наследуют, его место в системе ценностей занял Интернет. Сегодня культура экранная пытается подменить культуру книжную — то враждя с ней не на жизнь, а на смерть, то сливаюсь в новом качестве: в фильмах, мюзиклах, компьютерных играх. Сначала — фильм; потом, в лучшем случае, возникает потребность прочитать книгу, по которой прошла экранизация. Мы, библиотекари, всегда рады таким запросам и стараемся немедленно увеличить экземплярность первоисточника-книги, чтобы удержать ее массового читателя. Приток читателей из числа телезрителей в настоящее время увеличился, что подталкивает нас быть в курсе кинематографических новинок.

К сожалению, кричаще-яркое, неглубокое, легкодоступное позволяет своим «творцам» заработать немалые деньги, поэтому интеллектуальный продукт, заставляющий думать,

вытесняется с рынка adeptами массовой культуры. Увлечение примитивными компьютерными играми все чаще называют наркотическим.

«Друзьями» наших детей становятся компьютерные человечки, не умеющие анализировать и сопоставлять; человечки, которыми управляют, которых одевают, обувают, выгуливают в райском саду. Наша действительность рискует заполниться такими же человечками — условно-схематичными, пассивными, а порой и агрессивными, не способными нести ответственность за свои поступки.

Дети, читающие книги, учатся сопереживанию. Дети, играющие в компьютерные игры, коротают досуг в мире готовых шаблонов. Конечно, не во власти библиотекаря контролировать все современное информационное поле, выделив в нем безопасную зону — «добро» и заблокировав «зло». Но каждый из библиотекарей способен оздоровить пространство вокруг себя, сделать его обитаемым, привлечь, увлечь, заразить своей энергией разумного созидания.

Как и много лет назад, я считаю основной своей миссией не наращивание «контрольных показателей» работы за счет сопутствующей деятельности: праздников, шоу, акций, а открытие в человеке читателя; «сканирование» его душевного состояния и помочь в выборе книги. Моя библиотека не бывает пустой, мало того, как в старые добрые времена, в обеденные и вечерние часы в ней — очереди. У меня читающая семья. Ко мне домой за книгами приходят соседи и друзья. Я предлагаю своим знакомым литературные новинки из личной библиотеки, которую постоянно пополняю.

Работа библиотечного сотрудника, по моему убеждению, должна определяться количеством читателей, привлеченных лично. Это и есть главный показатель значимости библиотекаря, его вклада в продвижение чтения.

...Сейчас у меня две библиотечные работы в городах Заречном и Пензе: заведующей и литературного редактора. Два клуба прозаиков при библиотеках в разных городах (подобные объединения в России — редкость. Поэты «клубятся», прозаики — нет). У меня есть свой проект по организации летних площадок для чтения, над которым приходится много работать. Но я не чувствую усталости, потому что я и библиотека — это сообщающиеся сосуды: я отдаю работе свое вдохновенье, а она наполняет меня радостью творчества.

Много лет я сочиняю стихи и сказочные истории. Их печатают в России и далеко за ее пределами — в Германии, США, Канаде. В прошлом году моя миниатюра про читающее дерево получила высокую награду в известном международном конкурсе. Если кто-то захочет узнать обо мне больше, то я обитаю на страничке сайта «Литсовет» http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=12160. Сегодня я и библиотекарь, и редактор, и руководитель клубов, и поэт, и прозаик — вот так за десять лет все срослось, переплелось во времени и пространстве.

...В нашей маленькой и очень уютной Библиотеке семейного чтения почти нет стен, вместо них — стекла, стекла... сквозь которые видны двор, в котором мы недавно проводили «Арт-субботник», городской парк, где в «Пушкинский день» гулял наш библиотечный Кот ученый, а сейчас работает читальный зал под открытым небом, и еще видны дворы, куда в ближайшее время отправится наша выездная библиотека, чтобы пригласить детей и взрослых.

Вон там (мысленно хозяйничаю я уже в соседнем дворе) мы поставим свой столик: недалеко песочница, в ней всегда много малышей, они первыми потянутся за книжками. Напротив подъезда встанет наша выставка с журналами, и это не просто так: рядом прилепилась лавочка, на которой сидят местные бабушки, — они-то моментально расскажут всему дому про чудо-чудное, диво-дивное: во двор приехала библиотека. Да что там библиотека! — маленький праздник, в котором героями будут они сами, жильцы

большого дома: почтят вслух, поиграют, разговарятся, чтобы потом, в повседневной жизни, стать внимательнее и добре друг к другу.

Когда мы, таинственные библиотечные люди, щурясь, выходим с книгами на улицы, это выглядит эпатажно, но проверено: работает безотказно.

Дети уважают смелых взрослых и приходят записываться в библиотеку. Так что моя солнечная библиотека со временем будет в каждом дворе, в каждом садовом уголке нашего небольшого зеленого города.